

A portrait of a man with long, dark brown dreadlocks that reach down to his chest. He has a light beard and mustache and is looking directly at the camera with a neutral expression. He is wearing a crown made of green leaves, small red berries, and some yellow-green fruits. He also has a dark, textured scarf or collar around his neck. The background is a soft-focus green, suggesting a forest or garden setting.

Елена К.

Сказки Лешего

Елена К. Сказки Лешего

<https://litres.ru/74324784>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В волшебной деревне, где даже тишина умеет шептать, а чайник — обижаться, каждый звук становится чудом. Здесь Лея открывает Уголок забытых звуков, ветер опаздывает, потому что болтает с каждым листиком, а клубок становится хранителем пауз. Вместе с Драгуром, Фандориным, Кощеем и другими героями читатели учатся слышать то, что прячется между слов: тихий вздох, робкое спасибо, едва уловимый бульк воды. Это добрая сказка о том, как важно быть услышанным. Идеально для семейного чтения (6+): здесь нет пугающих чудес, зато есть уют, юмор и магия простых моментов, которая согревает сердце.»

Содержание

Все Главы	4
Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена К.
Сказки Лешего

Все Главы

Глава 1.

В одном далёком краю, где даже облака ходили не просто так, а по расписанию, стояла деревня, которую почти никто не помнил. Даже на старых картах её не было — будто сама земля решила: «Ну её, пусть будет секретная. А то туристы всё вытопчут».

В деревне жила девочка по имени Лея. Она была тихой, но очень внимательной: замечала, как тень от берёзы ползёт по траве, будто опаздывает на свидание; как ветер спотыкается о забор и ворчит себе под нос; а в сумерках у колодца собираются крошечные огоньки — такие маленькие, что их можно было принять за светлячков, если бы они не перешёптывались и не спорили, кто сегодня дежурит по памяти деревни.

Взрослые говорили, что это просто светлячки. Лея знала правду: это хранители памяти. Они собирали забытые слова и берегли их, чтобы те не исчезли навсегда. Иногда, если очень тихо постоять у колодца, можно было услышать, как они бормочут: «Помни... помни... а то забудешь, что хотел сказать, и получится неловкость».

Однажды утром Лея проснулась и поняла: в деревне стало слишком тихо. Не та уютная тишина, когда все ещё спят, а такая, будто кто-то взял и выкрутил звук на ноль. Сначала

люди не поверили, что звук можно украсть — ведь это не пирожок, его в карман не положишь. Но когда петух не прокукарекал, а чайник перестал свистеть, все забеспокоились. Без звуков мир становился пустым, будто его стёрли наполовину, а ластик ещё и погрыз.

— Может, он просто проспал? — предложил дед Игнат, глядя на петуха. — А чайник? — возразила бабушка Марфа. — Ну, чайник мог обидеться. Они такие.

Но Лея знала: тут дело серьёзнее. Она взяла корзинку, положила туда кусочек тёплого хлеба (на всякий случай — в сказках всегда пригодится), клубок ниток (потому что в сказках он не просто клубок, а почти навигатор) и отправилась к старой иве на краю леса. Туда, где, по слухам, жил Тот, Кто Слушает Больше, Чем Говорит. Говорили, что он знает, где прячутся потерянные вещи, даже если это не вещь вовсе, а что-то невидимое, вроде эха или шёпота.

Ива встретила Лею шорохом листьев, который звучал как «сюда, только не наступай на корни — они обидчивые». Под корнями дерева зиял узкий проход, уходивший в темноту. Лея не испугалась: она знала, что страх — это тоже звук, и если его не слушать, он замолкает. А если очень постараться, то и вовсе убегает, потому что терпеть не может, когда его игнорируют.

Проход вывел её в подземную пещеру, где на каменных полках стояли стеклянные сосуды. В каждом из них мерцало что-то похожее на туман, и Лея вдруг поняла: это и есть зву-

ки. Здесь были смех, скрип половиц, далёкий гудок поезда, чей-то шёпот «я тебя люблю» и даже тихий плач, который никто не слышал, потому что все в тот момент делали вид, что очень заняты. А в самом центре, в большом сосуде, дрожал и метался звук деревни — её голоса, шаги, разговоры, пение. Он выглядел так, будто хотел вырваться и закричать: «Выпустите, тут скучно и пыльно!»

Рядом сидел маленький старичок с ушами, похожими на листья папоротника. Он поднял глаза, вздохнул и сказал:

— Ты пришла за звуком. Но я не крал его. Я собираю то, что люди теряют, потому что, если звук не беречь, он исчезает навсегда. Вот вчера кто-то потерял слово «пожалуйста». До сих пор ищу.

— Но без него деревня умирает, — тихо сказала Лея. — Даже тишина становится тяжёлой, когда она не своя, а чужая. Как одеяло, которое не твоё, и оно всё время сползает.

Старичок постучал пальцем по сосуду. Звук внутри вздрогнул, как живое существо, и тихонько пожаловался: «Тут тесно!»

— Люди перестали слушать друг друга, — сказал старичок. — Сначала они перестали замечать шёпот ветра, потом — шёпот соседа. А когда перестают слушать, звук уходит сам. Я лишь подбираю то, что упало. Как крошки со стола. Только эти крошки — слова.

Лея подумала и сказала:

— Тогда верни хотя бы немного. Пусть деревня снова

услышит себя. А я научу людей слушать. Ну, хотя бы делать вид, что слушают. Это уже половина дела.

Старичок улыбнулся и открыл сосуд ровно настолько, чтобы звук смог проскользнуть наружу, как тонкая серебряная нить. Он привязал её к клубку Леи и сказал:

— Пусть этот клубок ведёт тебя туда, где звук нужнее всего. И помни: чтобы услышать, не обязательно кричать. Иногда достаточно просто остановиться и не делать вид, что ты очень занят.

Когда Лея вернулась, первый звук, который она услышала, был тихий вздох облегчения — его издала её бабушка, увидев внуку. Потом заскрипела калитка, будто вспомнила, как это делается, пропел петух — громко, с чувством, будто извинялся за всё время молчания, а чайник наконец-то засвистел, будто рассказывал всем, что он вернулся и вообще-то обиделся, но теперь простил.

А Лея с тех пор ходила по деревне и учила людей останавливаться. Она показывала, как слушать шорох дождя, как различать голоса деревьев (у дуба голос низкий и солидный, у берёзы — лёгкий, будто смеётся) и как слышать даже те слова, которые ещё не сказаны. И деревня снова стала живой — не потому что звуки вернулись, а потому что в ней снова научились слушать. А ещё потому, что петух теперь кукарекал не просто так, а с интонацией, и все понимали: «Доброе утро, но я всё ещё немного сердит».

Глава 2.

Лея только успела выдохнуть с облегчением — деревня снова звенела голосами, скрипом, смехом, — как вдруг заметила: коечто всё-таки звучало не так. Голос бабушки стал чуть тоньше, будто шёл издалека; смех ребят у колодца будто рассыпался на отдельные ноты и не складывался в мелодию. А когда Лея подошла к старой иве, та вовсе не шелестела — она будто прислушивалась к чемуто, напряжённая, как струна.

И тут из-за корней выскочил маленький старичок с ушамипапоротниками. Только теперь он не сидел спокойно, а метался, теребя край плаща.

— Они забрали самое главное! — выпалил он. — Не просто звук, а его сердце! Тот, кто это сделал, знает секрет: если вынуть из звука его смысл, останутся только пустые шумы. Деревня будет говорить, но никто никого не поймёт.

Лея похолодела.

— Кто это сделал?

Старичок прищурился:

— Тот, кому тишина выгоднее слов. Говорят, в северных землях объявился князь, который не любит, когда люди болтают. Он собирает не звуки, а молчание: чем тише вокруг, тем крепче его власть. И у него есть помощник — тот, кто

умеет путать голоса. Его зовут Драгур.

При звуке этого имени у Леи по спине пробежал холодок. Она слышала о Драгуре в бабушкиных сказках: он не был ни совсем злым, ни совсем добрым — он любил загадки и споры, и если ему казалось, что кто-то говорит лишнее, он мог незаметно подменить слово на похожее, а смысл — на тень смысла.

— Но зачем ему это? — спросила Лея.

— Ему нравится, когда всё становится не тем, чем кажется, — пробормотал старичок. — А князь платит ему за тишину.

В этот момент из темноты корней вынырнул ещё один силуэт — высокий, в длинном пальто, с аккуратной тростью. Лицо у него было такое, будто он привык записывать всё подряд: даты, интонации, даже запахи.

— Простите, что вмешиваюсь, — вежливо произнёс незнакомец, — но, судя по акустическим аномалиям, мы имеем дело не с магией в чистом виде, а с системой подавления семантической составляющей звука. Проще говоря, кто-то не просто украл голос деревни — он вырезал из него значение.

Лея уставилась на него.

— Ты кто такой?

— Эраст Фандорин, — представился тот, слегка поклонившись. — Я прибыл из другого мира, где к подобным явлениям принято относиться как к делу, требующему рассле-

дования. И, должен сказать, это дело весьма любопытное.

Старичок фыркнул:

— Он всё измеряет линейкой. Даже тишину.

Фандорин невозмутимо достал из кармана маленький прибор — что-то вроде латунного цилиндра с циферблатом.

— Этот аппарат фиксирует не громкость, а смысловую плотность звука. Сейчас стрелка почти на нуле. Значит, нам нужно найти источник искажения. И, судя по направлению звуковых волн, он находится в северных землях, у князя.

Лея сжала клубок ниток — тот самый, что вёл туда, где звук нужнее всего. Нитка вдруг дрогнула и потянулась в сторону тёмного леса, туда, где деревья росли так плотно, что между ними не пробивался даже лунный свет.

— Тогда идём, — решительно сказала Лея. — Мы вернём смысл нашим словам.

— И я с вами, — буркнул старичок, натягивая капюшон. — Без меня вы не найдёте дорогу в Звуковую Пустоту. Там тишина ходит кругами и сбивает с пути.

— А я прослежу, чтобы мы не заблудились логически, — добавил Фандорин, щёлкнув крышкой прибора.

Они двинулись вперёд, и с каждым шагом лес становился всё тише — не обычной тишиной, а той, что давит на уши, будто сама природа забыла, как звучать. Клубок в руке Леи светился тусклым светом, как маяк в густом тумане.

Вдруг впереди мелькнула тень — высокая, угловатая, будто сотканная из обрывков шёпота. Она остановилась, нахло-

нила голову, словно прислушиваясь, и Лея поняла: это и есть Драгур. Он стоял, скрестив руки, и на его лице играла лёгкая усмешка.

— Ага, — протянул он, разглядывая их по очереди. — Целая делегация. И даже знаменитый сыщик. Интересно, вы пришли уговаривать или спорить? Потому что спорить я люблю.

Фандорин шагнул вперёд:

— Мы пришли вернуть звук деревни. И не просто звук, а его значение.

Драгур хмыкнул:

— Значение... Забавное слово. А что, если я скажу, что значение — это то, что люди сами придумывают? Может, деревня станет только лучше, если перестанет цепляться за старые слова.

Лея шагнула ближе, не сводя с него глаз:

— Может, и придумывают. Но если никто никого не слышит, слова перестают быть нашими. Они становятся чужими. А деревня без своих слов — всё равно что дом без порога: любой может войти, а выйти будет некуда.

Драгур на секунду замер, будто эти слова ударили его сильнее, чем любой крик. Потом медленно опустил руки.

— Хм. Нечасто мне возражают так... почеловечески.

Фандорин спокойно достал блокнот и записал: «Мотивация противника: не столько зло, сколько любовь к парадоксам».

— У нас нет времени на парадоксы, — сказала Лея, крепче сжимая клубок. — Скажи, где князь прячет сердце звука? Драгур прищурился, будто решая сложную задачу.

— В ледяной башне, — неохотно ответил он. — Там, где эхо не возвращается, потому что ему нечего возвращать. Но учтите: князь не отдаст его просто так. Он верит, что тишина — это порядок.

Лея кивнула:

— Значит, придётся показать ему, что порядок — это когда все слышат друг друга.

Клубок снова дёрнулся и повёл их дальше, сквозь тьму, туда, где, по слухам, даже ветер говорил шёпотом, чтобы не разозлить князя.

Глава 3

Лея, Фандорин и старичок с ушами папоротниками шли по узкой тропе, а клубок в руке девочки вёл себя как живой: то подпрыгивал от нетерпения, то вдруг замирал, будто вспоминал, что он вообще то клубок, а не акробат.

— Обратите внимание, — пробормотал Фандорин, глядя в свой латунный прибор, который подозрительно пощёлкивал, как будто пытался завести разговор сам с собой, — смысловая плотность звука падает ступенями. Это указывает на систему резонансных ловушек.

Драгур, который всё ещё болтался где-то рядом, фыркнул: — Ты бы ещё компас для тишины достал. Или весы для шёпота.

Фандорин невозмутимо поправил манжет:

— Весы, кстати, идея. Но пока обойдусь прибором.

Лея покосилась на Драгура:

— Слушай, ты хоть в чём-нибудь не споришь?

— Только с собственной тенью, — буркнул Драгур. — И то потому, что она вечно наступает мне на пятки.

Тропа резко оборвалась у края болота, где туман стелился так низко, что казалось, будто земля просто взяла и ушла в отпуск. И тут из тумана, будто из самого воздуха, соткалась фигура — высокая, ветвистая, с глазами, горящими, как угли.

в костре.

— Кто идёт по моей земле без спроса? — прогреготал голос, и даже тишина вздрогнула, будто испугалась и уронила невидимую чашку.

Это был леший. В одной руке он держал пучок травы, в другой — что-то подозрительно похожее на связку забытых слов, которые тихо попискивали, как мышата.

Фандорин машинально сделал шаг вперёд, достал блокнот и записал: «Сущность: леший, территориальный тип. Вероятность драки: низкая, если не наступать на мох».

Лея шагнула к лешему и сказала:

— Мы не хотим ничего ломать. Мы хотим вернуть смысл словам. Если тишина захватит и твой лес, ты ведь тоже перестанешь слышать, как шепчут деревья. А они, между прочим, обожают сплетничать про грибы.

Леший прищурился, и его углиглаза мигнули:

— Слышал я про эту башню. Она не просто глотает слова — она их сортирует. «Громко — в угол, тихо — в шкаф, лишнее — на мороз». У меня там три любимых ругательства застряли. До сих пор скучаю.

Драгур закатил глаза:

— Ну вот, теперь ещё и леший в печали изза потерянных ругательств.

— Не ругательств, — строго поправил леший. — Выражений. Эмоционально насыщенных.

Он протянул руку, и из его ладони выплыл маленький ого-

нёк, похожий на светлячка, который явно был в хорошем настроении и тихонько напевал себе под нос.

— Возьми, — сказал леший, глядя на Лею. — Пусть он будет голосом, который ты несёшь. Если он погаснет — значит, ты забыла, зачем идёшь. Или начала думать про пирожки.

Огонёк сел Лее на плечо и радостно зазвенел, как колокольчик, которому наконецто дали работу.

Они двинулись дальше по тропе, которую вёл леший — она петляла между деревьями так хитро, будто нарочно избегала прямых путей, чтобы никто не догадался, куда они идут. И чем ближе они подходили к башне, тем холоднее становилось, и тем тяжелее было говорить: слова будто примерзали к языку, как леденцы.

Наконец деревья расступились, и перед ними встала ледяная башня. Она была не просто матовой — она выглядела так, будто стыдилась своего существования и старалась не привлекать внимания. В её стенах мерцали тени, похожие на застывшие голоса, которые явно скучали и махали изнутри, как пассажиры в застрявшем лифте.

У входа стоял стражник в доспехах из льда, и его дыхание не оставляло пара, потому что здесь даже воздух боялся звучать. Он смотрел на них так строго, будто они пришли без приглашения на очень серьёзное чаепитие.

Фандорин остановился, достал свой прибор и медленно провёл им вдоль стены. Стрелка дёрнулась, запищала и по-

казала что-то вроде «ТИШИНА: 146%».

— Здесь не просто холод, — прошептал Фандорин. — Здесь вакуум смысла. Башня построена не из льда, а из тишины, которая научилась быть твёрдой. И, кажется, ещё и ворчать.

Драгур подошёл ближе и коснулся стены кончиком пальца. Лёд зашипел, будто обиделся и пробормотал: «Ну вот, опять кто-то трогает!»

— Знаешь, что самое страшное в тишине? — тихо сказал Драгур Лее. — То, что она умеет притворяться покоем. И ещё — она всегда выигрывает в молчанку.

В этот момент из башни вышел сам князь. Он был высоким и неподвижным, как статуя, а в руках держал хрустальный сосуд, внутри которого пульсировало что-то тёмносеребряное — сердце звука. Оно выглядело так, будто хотело вырваться и закричать: «Выпустите меня, тут скучно!»

— Вы пришли забрать то, что я спас от хаоса, — произнёс князь, и его голос звучал так ровно, что казался неживым, будто его записали на камне и забыли стереть.

Лея шагнула вперёд, и огонёк на её плече вспыхнул ярче и тихонько фыркнул, будто собирался чихнуть искрами.

— А если место человека — в том, чтобы говорить? Если молчание — это не порядок, а страх? Или просто привычка не спорить с начальством?

Князь нахмурился, будто услышал что-то неприличное:

— Страх — это тоже звук. И я его тоже убираю.

Фандорин спокойно шагнул вперёд:

— Ваше высочество, позвольте предложить компромисс. Если мы докажем, что смысл и порядок не противоречат друг другу, вы согласитесь вернуть сердце звука?

Князь холодно улыбнулся:

— Докажите. Но без криков. У меня тут акустика... деликатная.

И тут из тени, будто из самой земли, появилась ещё одна фигура — высокая, с глазами, как провалы в ночи. Это была Морена. Она выглядела так, будто только что вышла из тёмного коридора и ещё не успела привыкнуть к свету.

— Доказательства — это хорошо, — проговорила она, и её голос был похож на шорох снега по камню, только с лёгкой ноткой иронии. — Но иногда нужно не доказывать, а напомнить. Например, что тишина — это не когда все молчат, а когда все слышат, как кто-то дышит.

Следом за ней из леса вышел Кощей — не страшный, каким его рисовали в сказках, а такой, будто он слишком долго хранил чужие тайны и теперь мечтал просто посидеть на пенёчке и пожаловаться на спину.

— Тишина бывает разной, — сказал Кощей, глядя прямо на князя. — Бывает тишина перед рассветом. Бывает тишина после слёз. А бывает тишина, которую строят, чтобы никто не услышал, как кто-то храпит. Твоя башня — из такой.

Князь побледнел, будто впервые услышал свои собственные мысли со стороны и понял, что они звучат как оправда-

ния.

Морена подошла к сосуду и тихо произнесла:

— Сердце звука не может жить в тишине. Оно бьётся только там, где есть эхо. И желательно весёлое.

Она коснулась сосуда, и лёд вокруг него начал трескаться — не от тепла, а от звука, который вдруг вырвался изнутри: тихий, дрожащий, но настоящий, как первый смешок после долгой грусти.

Лея протянула руку, и сердце звука мягко легло ей на ладонь, пульсируя, как живое, и будто шепнуло: «Наконецто!»

— Теперь нужно вернуть его туда, откуда его забрали, — сказала она.

Фандорин кивнул:

— И разрушить башню. Для этого нужно восстановить резонанс: заставить звук снова отражаться от стен, чтобы лёд не мог его поглотить.

Драгур, который до этого делал вид, что он тут просто мимо проходил, вдруг шагнул вперёд.

— Я знаю, как это сделать, — сказал он. — Я тот, кто путал слова. Теперь я помогу их собрать. И обещаю больше не превращать «пожалуйста» в «пожар, скорее!».

Он закрыл глаза и начал говорить — не громко, не пафосно, а так, будто рассказывал комуто очень близкому старую историю, в которой всё было немножко смешно и немножко грустно, но обязательно хорошо заканчивалось. И с каждым словом лёд на стенах начинал звенеть, как стекло, и трес-

каться, будто ему надоело быть таким серьёзным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.